

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.6.21>

Василенкова Лариса Борисовна

Заимствования в тексте травелога как средство создания образа итальянского мира

Цель исследования - выявить тематические сферы употребления заимствований итальянского языка, формирующих у русского читателя образ Италии, а также описать функциональные особенности повествования, описания, рассуждения в травелоге. Предметом анализа в данной статье становится такая черта языка текстов путешествий, как система заимствованных слов и выражений, по-своему озвучивающих речь (иноязычных вкраплений, варваризмов, экзотизмов, собственно заимствований), распределенных в тексте по функционально-смысловым типам речи. Научная новизна работы заключается в обращении к травелогу как особому типу текста с точки зрения его языковой организации, а также в исследовании дистрибуции и функционирования итальянизмов в данном жанре. В результате анализа используемых в двух книгах современного автора А. В. Ипполитова итальянизмов и их дистрибуции обозначены такие сферы употребления иноязычной лексики, как искусство, кулинария, воспринимаемая как искусство, город и т.д., создающие для русского читателя новый образ Италии. Человек (рассказчик, объект его размышлений, а также адресат, вовлекаемый в историю благодаря я-повествованию) становится главным в формировании этого образа.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2020/6/21.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2020. Том 13. Выпуск 6. С. 127-133. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2020/6/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

Русский язык

Russian Language

УДК 811.161.1

Дата поступления рукописи: 10.04.2020

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.6.21>

Цель исследования – выявить тематические сферы употребления заимствований итальянского языка, формирующих у русского читателя образ Италии, а также описать функциональные особенности повествования, описания, рассуждения в травелоге. Предметом анализа в данной статье становится такая черта языка текстов путешествий, как система заимствованных слов и выражений, по-своему озвучивающих речь (иноязычных вкраплений, варваризмов, экзотизмов, собственно заимствований), распределенных в тексте по функционально-смысловым типам речи. **Научная новизна** работы заключается в обращении к травелогу как особому типу текста с точки зрения его языковой организации, а также в исследовании дистрибуции и функционирования итальянизмов в данном жанре. **В результате** анализа используемых в двух книгах современного автора А. В. Ипполитова итальянизмов и их дистрибуции обозначены такие сферы употребления иноязычной лексики, как искусство, кулинария, воспринимаемая как искусство, город и т.д., создающие для русского читателя новый образ Италии. Человек (рассказчик, объект его размышлений, а также адресат, вовлекаемый в историю благодаря я-повествованию) становится главным в формировании этого образа.

Ключевые слова и фразы: травелог; межкультурные и межъязыковые контакты; заимствование; итальянизм; техника иноязычного вкрапления; функционально-смысловые типы речи.

Василенкова Лариса Борисовна

Санкт-Петербургский государственный университет
laravasilenkova@mail.ru

Заимствования в тексте травелога как средство создания образа итальянского мира

В эпоху глобализации путешествие, которое являлось на протяжении многих столетий формой изучения мира и человечества, постепенно утрачивает свое познавательное и эстетическое значение в связи со своей повседневностью. Однако жанр травелога и его основания дают читателю представление об искусстве видеть жизнь и рассуждать о ней. Данный факт свидетельствует об **актуальности** изучения травелога как самостоятельного жанра не только с позиций литературоведения, но и в рамках дискурсивного анализа текста. Н. А. Никитина и Н. А. Тулякова, описывая когнитивную модель травелога, отмечают, что именно присутствие в тексте путешествующего рассказчика-наблюдателя и его четко представленный фокус изображения, рефлексия нарратора и его склонность к оцениванию увиденного, возможность пренебречь фактами и деталями, которые, по мнению рассказчика, не будут столь интересны и важны для читателя, а также игра с понятиями и языком чужой культуры – особенности жанра, позволяющие исследователю рассматривать травелог обособленно от романно-новеллистических форм и от публицистического отчета о путешествии [9, с. 134]. Опыт вовлечения субъекта-повествователя в иное культурное пространство и новое мировидение и мироощущение, обретаемые им через процесс познания чужой культуры, становятся доминантами в анализируемом жанре. История, рассказываемая от первого лица, выводит изложенный опыт в сферу публичного, а значит, читатель становится сопричастен этому опыту. Иными словами, рассказчик травелога, проживая новый опыт, приглашает к этому чувствованию и проживанию своего слушателя, делая его полноправным участником коммуникации. Безусловно, данный факт объясняет возрастающий в последние десятилетия интерес к эго-тексту с его ориентированностью на персональный нарратив.

Особое место в этих текстах занимают путешествия по Италии – стране, тесные культурные связи с которой были особенно значимы для России в XVIII и XIX веках, итальянский текст в русской литературе создавался А. С. Пушкиным и его окружением. Главной книгой-экскурсоводом для нескольких поколений русских путешественников стали «Образы Италии» П. П. Муратова (1911-1923). Среди современных текстов, посвященных Италии и ее миру, выделяются работы А. В. Ипполитова «Особенно Ломбардия. Образы

Италии XXI» и «Только Венеция. Образы Италии XXI» (2012), относимые автором статьи к жанру травелога. Современный писатель продолжает сложившуюся литературную традицию описания этой страны.

Тексты А. В. Ипполитова благодаря своей энциклопедичности, свободе построения и вольной манере изложения, постулированию субъективности и постоянно проявляющейся тенденции к самовыражению автора заняли достойное место в литературе, посвященной истории и культуре Италии, особенностям жизни итальянцев в восприятии русского наблюдателя.

В своих книгах автор часто обращается к технике иноязычного вкрапления, комментируя значения варваризмов итальянского происхождения с помощью перевода заимствованной лексемы или словосочетания, а также включает в свой текст знакомые читателю экзотизмы, которые придают отдельным фрагментам нарратива, вычленившимся из общего тона повествования, особый колорит. Тексты А. В. Ипполитова содержат ряд замечаний (культурологических, искусствоведческих, страноведческих), а также филологические справки, в которых автор разбирает этимологию иноязычных лексем и указывает на современные особенности их употребления. Подобное комментирование отличает сочинения А. В. Ипполитова от иных травелогов, в том числе от книг П. П. Муратова, частично выступающих в роли интертекста, и придает работам современного писателя ярко выраженный личностный характер. Постулирование субъективности изложения и постоянно проявляющаяся тенденция к самовыражению автора выделяют тексты «Образов Италии XXI», делая их уникальными в ряду современных работ, посвященных итальянскому миру и языку этого мира в восприятии русского наблюдателя.

Следует отметить, что под итальянизмами в данной статье понимаются вслед за Т. Ф. Ефремовой все слова и выражения, присутствующие в тексте, являющиеся заимствованиями из итальянского языка; обороты речи, которые построены по модели, свойственной итальянскому языку [4]. Предмет изложенного исследования – система заимствованных слов и выражений (иноязычных вкраплений, варваризмов, экзотизмов, собственно заимствований), которые распределены в тексте травелога по функционально-смысловым типам речи (ФСТР).

При анализе работ А. В. Ипполитова необходимо решить следующие *задачи*: во-первых, выявить итальянизмы в текстах писателя; во-вторых, определить дистрибуцию иноязычных элементов в рамках ФСТР; в-третьих, представить тот предметный мир, который, по мнению автора, интересен и значим для путешественника из России, знакомящегося с итальянским миром и языком, на котором этот мир говорит. В ходе анализа исследователь применяет следующие *методы*: приём сплошной выборки, дистрибутивный анализ, основанный на учёте совместной встречаемости, а также орфографический, словообразовательный, морфологический и стилистический анализы.

В качестве исходной единицы наблюдения избраны ФСТР – фрагменты дискурса, обладающие единым типом изложения, которые традиционно выделяют лингвистика и риторика. В повествовании и описании осуществляется связь языка с реальной действительностью. В рассуждении, обращенном к сфере мыслительной деятельности о внешнем мире и опирающемся на логико-смысловые категории в построении речи, выделяют подтипы: объяснение, аргументацию и инструкцию [11, с. 151].

Теоретической базой исследования послужили работы Е. Э. Биржаковой, Л. А. Войновой, Л. Л. Кутиной [1], Л. П. Крысина [7], К. А. Роговой [11] и других лингвистов.

Практическая значимость исследования заключается в том, что результаты представленного в статье анализа могут быть использованы при изучении заимствований и их функций в тексте в рамках курса по лексикологии русского языка, в учебно-педагогической деятельности при чтении вузовских курсов по современному литературному процессу в России, по истории и искусству Италии разных эпох, в разработке спецкурсов и спецсеминаров по теории литературы, посвященных проблемам изучения жанра «травелог».

Для наблюдения за функциональными особенностями ФСТР значимы тематические сферы их употребления, которые выделяются на основе доминирования в них лексико-семантических полей. В текстах А. В. Ипполитова широко представлены сферы употребления единиц разных лексико-семантических полей: поле «человек» (*дуче, кондомьер, schiavo, slavo, i mori, санбабилино/sanbabilino, комаски, бергамаски, виртуоз, lo snob milanese, ragazzo, patriota, filosofo, politico, federalista e scrittore* и др.), поле «искусство», в котором можно выделить такие тематические цепочки, как «изобразительное искусство» и «скульптура» (*фрески, мозаика, штуркатурка, карикатура, дученто, треченто, кватроченто, чиквеченто, сейченто, seicento Lombardo, септешенто, отточенто, интарсия, сфумато, Квадрони/Quadroni, леонардески, бамбоччата, торсы* и др.), «музыка» (*соло, трио, виолончель, меццо-сопрано, тромбон, ария, соната, coloratura contralto, фиоритурра* и др.), «архитектура» и «украшения» (*каза, палаццо, палацетто, chiesa/кьеза, пьяцца, лоджа, тораццо, campanile, стукко, гирлянда, бельведер, a cielo aperto* и др.), «литература» (*новелла, сонет, либретто, l'aleardismo* и др.) и другие. Автор фокусирует внимание читателя на кулинарной сфере (*frutti di mostrada di Cremona, prosciutto crudo, affumicato, prosciutto cotto, piatto primo, брезаола/bresaola, bresada, пицца, мортаделла, trippa/tpuna, rassegna gastronomica del lodigiano, прошутто, кулателло, панчетта, лардо, струтто, чиччоли, дзампоне, котеккино (prosciutto, culatello, pancetta, lardo, strutto, ciccioli, zampone, cotecchino, panini, спремута* и др.)), воспринимаемой рассказчиком как особый вид искусства, а также на развлечении, представленных в тексте автора, прежде всего, лексико-семантическим полем «театр» (*комедия дель арте, арлекино, Zanni/дзанни* и др.). Именно уличный театр оказывается объектом пристального внимания наблюдателя. Интересует современного автора и внешний облик итальянца, поэтому текст содержит сферы употребления иноязычных лексем, называющих одежду, обувь и аксессуары или бренды, их представляющие (*zoccolo/дзокколо, фенди, форназетти* и др.). Безусловно, наряду с итальянцем героем книг современного писателя становится итальянский город и градостроительство (*виа, форо, виа, виколо/vicolo, navigli/навильи, il Broletto, казармы, инпалера, la citta', palizzata, citta' alta, citta' bassa, боргу/borghi, альберго,*

боскета и др.). Кроме того, в текст А. В. Ипполитова включена иноязычная лексика, представляющая лексико-семантическое поле «техника», а именно автомобильная тема (*феррари*), что, вероятно, связано с известностью итальянских моделей на мировом рынке и в частности в России, а также сфера употребления «деньги» (*солди, лиры, скудо* и др.).

Если рассматривать ФСТР как «наиболее общие формы, отражающие структуру процесса мышления, типы и способы связи элементов мысли между собой и мыслей друг с другом» [2, с. 76], то последовательность (временная связь) является основным типом связи внутри повествования. В. А. Плунгян отмечает исключительность повествования как ФСТР и указывает, опираясь на труды Х. Вайнриха, два базовых компонента повествовательного дискурса: основную линию («передний план») и фон [10, с. 14]. Механизм управления фокусом внимания читателей заключается в переходах от центра переднего плана к фону повествования. Подобные переходы позволяют выделить важные понятия, связанные с историей Италии, становлением ее мира. Включая иноязычные элементы в свой текст, А. В. Ипполитов обращается к технике иноязычных вкраплений, сопровождая итальянизм, занимающий рематическую позицию в структуре предложения, переводом, завершающим рему: *Но деньги у них имелись, была власть, деньгами подкрепляемая, и Брешиа заменила свой старинный средневековый Бролетто на роскошное палаццо дела Лоджа, здание нового городского совета, начав его строить в 1484 году в знак согласия Брешии с венецианским **buon governo**, «хорошим правлением»* [5, с. 281]. Безусловно, значимые для истории и культуры Италии понятия включают в себя тематическую группу, именующую человека, его титул и положение в обществе, и являются частью ремы. Интерес представляет и графическая изоляция иноязычной лексемы, что также способствует фиксации внимания читателя на заимствовании: *Церемония коронования была очень значимой, и лишь она одна сообщала званию короля – **Il Re** – легитимность* [Там же, с. 122].

Повествуя о человеке, автор в процессе перевода иноязычного слова ищет точный эквивалент, и его поиск может быть отражен в тексте при помощи вставных конструкций, что делает повествование более живым, и сам читатель становится вовлечен в переводческую деятельность рассказчика: *В Милане есть еще один упоительный памятник архитектуры финто – Каза дельи Оменони, Casa degli Omenoni, Дом Мужланов (**отепоне** на диалекте значит «крупный, сильный и добрый мужчина, хороший мужик»), построенный скульптором Леоне Леони в 1565 году для самого себя* [Там же, с. 81]. Итальянизм во вставной конструкции заявлен в позиции темы, однако его точный перевод расположен зеркально – в конце ремы.

В своем повествовании А. В. Ипполитов проявляет интерес к этносу. В подобных фрагментах иноязычный элемент, имея колоритообразующую функцию, способствует экзотизации текста: *Ящерицы пробегают по обломкам мраморов у стен Кастелло, скользя, как улыбка Леонардо, Караваджо превращенная в гримасу, а афроитальянцы, черные-черные – мавры, **i mori** (Il Mogo было прозвище Лодовико Сфорца, говорят – из-за его темного лица, так что маврам в Кастелло самое место), – предлагают японкам и американкам какие-то разноцветные амулеты вуду, а под сводом наяривает баянист на чистейшем русском языке: «Виновата ли я, виновата ли я, что мой голос дрожал, когда пела я песни ему* [Там же, с. 57]. Итальянизм *i mori*, обладая графической дублетностью, занимает позицию темы и фокусирует внимание читателя сначала на народе, представляющем итальянский мир, а затем на мире русском, случайно влетаемом в канву повествования мыслью рассказчика-наблюдателя.

Во многих травелогах, рассказывающих о чужом мире, город, являющийся осязаемым отражением описываемого мира, и человек, этот мир создающий и его организующий, связаны. Так, в повествовании современного автора итальянскому городу присущ определенный характер, и житель этого города проецирует этот характер на свой внутренний мир, сливаясь с городом и становясь для путешественника единым целым: *Наоборот, в Комо есть целеустремленность и сдержанность города если и не гор, то предгорья, и **комаски** – так себя называют жители Комо – всегда были упрямы, упорны и выносливы* [Там же, с. 139]. Значение заимствования дается во вставной конструкции, которая фокусирует внимание читателя на итальянизме, занимающем позицию темы в структуре предложения.

Многие фрагменты текста являются экскурсом в историю становления Италии. Именно поэтому в фокусе внимания рассказчика оказываются человек и его должность, позиция, занимаемая в обществе разных эпох: *Когда Венеция, уже не довольствующаяся своим титулом Царицы морей, стала весьма агрессивной на суше и подчинила Бергамо, отвоевав этот город у Пандольфо Малатеста, **кондотьера** на службе герцогов Висконти, на некоторое время после смерти Джан Галеаццо Бергамо завладевшего, то, несмотря на наступившее спокойствие, **бергамаски** по отношению к Венеции заняли позицию глухо оппозиционную* [Там же, с. 142]. Итальянизм *кондотьер*, включенный в текст в составе приложения, является частью темы. Заимствование *бергамаски*, связывающее человека и город, также занимает в коммуникативной структуре предложения позицию темы.

Работа А. В. Ипполитова повествует не только об истории Италии и становлении ее мира, но и о ее культуре. Искусство (изобразительное искусство, скульптура, архитектура) занимает особое место в повествовании современного автора-искусствоведа. Так, в фокусе внимания рассказчика оказываются стили, говоря о которых писатель обращается к технике иноязычного вкрапления, имеющего при втором упоминании в тексте кириллический графический вариант, чтобы русский читатель мог с легкостью прочесть итальянизм, и представляющего вместе с комментарием автора рему: *Они пока не отмечены звездочками в путеводителях, но уже давно стали объектом восхищения интеллектуальных любителей искусств и вождения коллекционеров, с придыханием произносящих словосочетание **seicento Lombardo**. Серия Квадрони Миланского собора, полностью посвященная Сан Карло, стала основой для развития этого **seicento Lombardo**, ломбардского сеиченто, своеобразнейшего явления в европейском искусстве XVII века* [Там же, с. 65].

В центре внимания рассказчика, **повествующего** об итальянском мире, оказывается архитектура. Вообще русскому читателю и путешественнику трудно представить Италию в отрыве от соборов и площадей, так как в сознании многих эта страна неразрывно связана с искусством Возрождения и эпохи барокко, представленным, прежде всего, работами итальянских мастеров. Итальянизмы, формирующие тематическую цепочку «архитектура», содержатся в данном повествовательном фрагменте: *...и был еще «Талантливый мистер Рипли», там Джуд Лоу знал, что летом в Италии в вельвете не ходят, а ходят только в льне, а его убийца Мэтт Дэймон не знал, узнал позже, поэтому расстраивался и убил Джуду Лоу и еще нескольких, одного – в римском **палаццо**, прямо римским бюстом припечатал, и **пьяцца** ди Спанья, по ступеням Одри Хепберн сбегает, изображая из себя европейскую принцессу* [Там же, с. 16]... Оба итальянизма, морфологически не адаптированные (не приобретенные падежную парадигму), являются ремой предложения.

Еще одна тема, волнующая рассказчика в процессе своего **повествования** об Италии, – это, конечно, кулинария. И искусство, и кухня – темы, без которых итальянский мир немыслим для читателей из России. Современный автор, говоря об итальянской кулинарии, вновь обращается к заимствованиям, получившим кириллический графический вариант, а также, по мнению писателя, широко известным русским путешественникам и поэтому не требующим комментария: *...Гемингвей – так его Набоков кликал – в «Харрис-баре» сидит, **беллини** пьет, **карпаччо** закусывает* [Там же]... Инверсированный порядок фокусирует внимание читателя на итальянизмах, занимающих позицию ремы.

Таким образом, в **повествовании** автор использует иноязычные элементы (вкрапления, варваризмы, экзотизмы и собственно заимствования), когда говорит о важных для истории и культуры Италии понятиях, о человеке в истории и современности, о его принадлежности к этносу и городу, формирующему характер человека, влияющему на него. Кроме того, в фокусе внимания читателя оказываются искусство и кулинария, без которых русским читателям и путешественникам трудно представить прошлое итальянского мира и его настоящее.

Описание в художественном тексте формируется деталями увиденного и, по мысли В. М. Хамагановой, имеет структуру перечисления одновременных признаков, которые даны в форме суждений, выраженных повествовательными предложениями [12, с. 18]. Наряду с пейзажным, портретным, предметным и интерьерным описаниями выделяют художественное описание, которое нацелено «на создание образа явления и раскрытие его психологического потенциала» [8, с. 108]. Так, заимствованные элементы способствуют формированию в сознании русского читателя образа описываемого чужого мира, вносят в текст автора особый колорит: *Пересев в **гондолу**, столь похожую на черную ладью Харона, приехавший в Италию медленно, с усыпляющим покачиванием на волнах лагуны, направляется в блекло-пестрый мираж, вырастающий из вод, в город, практически очищенный от примет современности* [5, с. 37]. Примечательно, что путешествие в прошлое Италии, наблюдаемое в повествовании, продолжается и в авторском **описании**. Экзотизм *гондола*, включенный в большинство словарей иностранных слов и известный русскому читателю, занимает позицию темы в структуре предложения.

Картины прошлого сочетаются в **повествовании** и **описании** современного писателя с живой современной жизнью итальянского мира. Путешествие по Италии, которое предлагает совершить современный автор, – это путешествие на машине времени, неизбежно возвращающей читателя в реальность: *...и, доехав до аэропорта Милана, попадаешь не в какой-нибудь мираж, средневековую сказку, а в большой европейский индустриальный город, удобный для жизни, с широкими бульварами, или, как они здесь называются, **viale**, с небоскребами и с лучшими в мире шмоточными магазинами, влекущими к себе весь мир* [Там же, с. 27]. Иноязычный элемент, способствующий экзотизации данного фрагмента, представляет рему.

В **описании**, по мысли автора, особое место занимает кулинарная тема: *Интерьер очищен от барочных наслоений и непривлекателен: гладкие, лишенные каких-либо украшений и архитектурных излишеств плоскости стен и приземистые толстые кирпичные колонны с терракотовыми капителями, цветом и формой похожие на колбасины **мортаделлы*** [Там же, с. 149]. Кулинария в итальянском мире являет собой искусство, поэтому рожденная в сознании рассказчика аналогия является вполне логичной. Благодаря рематической позиции заимствования внимание читателя фокусируется на этой аналогии.

Иными словами, детали увиденного, формирующие **описание**, представлены в тексте А. В. Ипполитова атрибутами, создающими образ чужого мира (*гондола, феррари, мандолина, бельведер*), элементами, структурирующими итальянские города (*viale, via, vicolo, форо*), а также объектами, принадлежащими кулинарной сфере, однако кулинария воспринимается автором как искусство, что позволяет ему приводить в своем описании соответствующие аналогии (*мортадела*).

Текст, относящийся к **рассуждению**, по мысли М. А. Булавиной, отличается от текстов-повествований и текстов-описаний, прежде всего, композиционно-содержательными характеристиками. Выбор этих характеристик обуславливается информативно-аргументирующим типом изложения [3, с. 61]. **Рассуждение** обладает неоднородностью и многоаспектностью и отражает процессы ментального мира [11, с. 16]. Данный факт позволяет исследователям выделять в рамках этого ФСТР подтипы – объяснение, аргументацию и инструкцию [Там же, с. 151]. В работе А. В. Ипполитова в рамках данного ФСТР представлены объяснение и аргументация, что связано, прежде всего, с желанием рассказчика объяснить неизвестные для русского читателя реалии, а также доказать ему то, что понятие, принадлежащее одному миру, может быть неверно понято реципиентом, принадлежащим другому миру, без необходимого авторского комментария, ценность которого в исследуемом жанре неоспорима.

В **рассуждении** автора центральное место занимает искусство, которое неразрывно связано со своим творцом – человеком, жизнедеятельность которого можно охарактеризовать с помощью итальянского

искусствоведческого термина: ...*оптическая изоцирность никак не нарушает естественную чувственность брамантевской архитектуры, и сказать про нее **fulso**, фальшивая, было бы несправедливо, к ней более подходит итальянское слово **finto**, означающее искусственную искусственность, в архитектуре ли, в искусстве макияжа ли, в человеческих отношениях или мастерстве протезирования – все равно* [5, с. 73]. В данном аргументирующем типе **рассуждения** иноязычные элементы фокусируют внимание читателя на себе благодаря своей позиции темы в структуре предложения.

Однако искусствоведческий термин в **рассуждении** автора может быть использован в неожиданном контексте. Употребление иноязычного элемента не в номинативной функции, его рематическая позиция в коммуникативной структуре предложения, безусловно, фокусируют внимание читателя на итальянизме: *Собор в рожу власти – это так изящно, так **lo stile visconteo**, и меня именно мрамор Чертозы ди Павия, а не готика Дуомо заставил вспомнить об этом подвиге, хотя фасад Чертозы слишком хрупок, чтобы ломать кому-то нос и выбивать зубы. Историзм лучше подходит для этой цели: фальшивой готикой по фальшивому политуку – какое чувство стиля* [Там же, с. 269]!

Говоря об искусстве, писатель много **рассуждает** о цвете и пытается объяснить особенности восприятия цвета итальянцами своему слушателю, обращаясь к технике иноязычного вкрапления: *Я, заинтересованный всеми этими оттенками **blue** и **azzurro**, специально пытался узнать у итальянцев об этом парадоксе отсутствия у них родного «синего». Мне сказали, что и правда, итальянский язык, имея для «голубого» два определения: **celeste**, то есть светло-голубой, небесный (небо-то в Италии все светлое по большей части), и **azzurro**, тоже голубой, но несколько более темный, чем **celeste**, – для определения синего использует французское **bleu**, вошедшее в язык относительно поздно. В старом языке есть еще **il turchino**, бирюзовый, и именно это слово, теперь уже употребляемое только в литературной речи, и означало, наверно, **bleu-blue**, но кто ж теперь знает, что там, в сеиченто, они под **turchino** подразумевали* [Там же, с. 334]. Заимствования, вплетенные в непростое для восприятия читателем объяснение, фокусируют на себе внимание и занимают в структуре позицию темы. Только последний итальянизм, являясь ремой – финальным штрихом в палитре итальянских красок, оказывается включенным в текст в рамках инверсии.

В аргументирующем типе **рассуждения** автор говорит о городе и о подходящем для него названии в итальянской и русской культурах: *Мне, как автору, в рассуждении об итальянских городах придется наталкиваться все время на языковую трудность следующего порядка: по-итальянски город, **la città**, женского рода, и о Риме, **Roma**, всегда говорится в женском роде, что несколько непривычно для русского уха; представим, например, что Господин Великий Новгород превратится в Госпожу, сразу видишь перед собой пожилую трансвестита, – поэтому, когда я говорю о Пьяченце и Кремоне, я думаю о сестрах, когда говорю о городах Пьяченца и Кремона, мне представляются братья, что совсем не одно и то же* [Там же, с. 183]. Оба итальянизма занимают позицию темы.

Рассуждение как ФСТР, являясь неоднородным и многоаспектным, дает автору пространство для языковой игры, частью которой является неологизация. Так, агороним (площадь Сан Джоббе) приобретает некую нарицательность и становится морфемой, которая включена в новообразованное слово – **джоббиста**, которое формально можно отнести к краткому прилагательному: *Мурыжить столь долго читателя перед картиной Савольдо и на Кампо Сан Джоббе вообще меня заставляют не только исключительные качества того и другого, и даже не то, что в них содержится **beginning is tu end** Венеции, а то, что это место и эта картина – а картина Савольдо с ее отстраненностью, закрытостью и поэзией строжайшей простоты очень **джоббиста**, очень «Разве у тебя плотские очи, и Ты смотришь, как смотрит человек?»* [6, с. 37]... Авторский неологизм и позиция ремы, которую он занимает, безусловно, фокусируют внимание читателя на себе.

В рамках языковой игры, реализуемой в **рассуждении**, может быть рождено не только новое слово, но и целая фраза, состоящая в данном случае из прагматонимов, образующих ряд и являющихся ремой: *Красиво, конечно, но затаскано так, что список «тассо, рафаэль, канова, байрон» напоминает современную русскую скороговорку «**фенди, феррари, форназетти**», столь часто употребляемую в повседневной гламурной речи* [5, с. 27].

Таким образом, при **рассуждении** доминантой становится искусство с его терминологическим аппаратом, используемым как в номинативной функции, так и, вероятно, в воздействующей функции (использование итальянского понятия культуры в неожиданном контексте). Объектом **рассуждения** становятся итальянские города и их сопоставление с русскими городами, а также **рассуждение** – пространство для слово- и фразотворчества современного автора.

Необходимо отметить, что в книгах А. В. Ипполитова выделяются не только фрагменты текста, характеризующиеся как повествование, описание или рассуждение. Некоторые эпизоды представляют контаминацию, трансформирующую исходные ФСТР, с преобладанием рассуждения – характерной чертой жанра травелога. Дискурсивная формация рассматриваемого жанра не предполагает подробное описание и детализацию, в отличие от путевых заметок и отчетов о путешествии, а фокусирует внимание читателя на тех исторических и культурных фактах, компонентах предметного мира, которые становятся объектом для размышления, сравнения реалий чужой культуры с реалиями своей культуры, и в этом, безусловно, рассказчику-наблюдателю помогает итальянский язык – важный конструкт этой формации. Данное наблюдение позволяет выделить такие синтетические ФСТР, как **повествование-рассуждение**, которое широко представлено на протяжении всего текста работ современного писателя, и **описание-рассуждение**.

Искусство – главный объект внимания автора в **повествовании-рассуждении**, так как культура итальянского мира является важнейшим компонентом формирования этого мира. Рассуждение в данном гибридном

ФСТР представлено объяснением: *Стендаль в своем миланском дневнике все время с придыханием повторяет весьма специфическое итальянское словечко **disinvoltura**, как характернейшее явление миланской манеры. **Disinvoltura** означает одновременно и непринужденность, и раскованность, и легкомыслие, доходящее до развязности* [Там же, с. 77]. Являясь ремой в первом предложении, впоследствии итальянизм переходит в тематическую часть, и это движение от ремы к теме на стыке двух синтагм, разделенных авторским комментарием, фокусирует читательское внимание на иноязычном вкраплении.

Повествование-рассуждение становится пространством для языковой игры – в данном случае переводческой, заключающейся в поиске наиболее удачного морфемного эквивалента: автор постарался передать значение итальянского аффикса *-on-* («что-то большое, громадное». – Л. В.), подобрав соответствующую ему русскую морфему *-ищ-*: *Эти картины – Квадроны, как они называются по-итальянски, **Quadroni, Картинищи** – вывешиваются вдоль центрального нефа, так что пространство Дуомо превращается в своеобразную картинную галерею, выглядит все торжественно и чинно* [Там же, с. 65]... Иноязычный элемент, относящийся к лексико-семантической группе «искусство», занимает в структуре предложения позицию темы, выделяется при помощи графических средств – латинского и кириллического написаний, а также тире, что способствует тому, что читатель фокусирует свое внимание на заимствовании неоднократно.

В повествовании-рассуждении искусствоведческая (в данном случае музыкальная) и кулинарная темы сплетаются воедино, при этом автор рассуждает не только о понятиях, но и о языке, о его возможной, с точки зрения писателя, жаргонизации: *В воздухе разливается аромат, звучащий в носу столь же сытно и густо, как в ухе звучат божественные слова: **прошутто, кулателло, панчетта, лардо, струтто, чиччоли, дзампоне, комеккино (prosciutto, culatello, pancetta, lardo, strutto, cicciole, zamponi, cotichino)** – все эти многочисленные определения свинины, сала, ветчины, что уже давно стали интернациональным профессиональным жаргоном гастрономии, чуть ли не столь же распространенным, как и музыкальный с его **ададжио ун poco moderato (adagio un poco moderato)*** [Там же, с. 169]. Включение иноязычных элементов в перечислительный ряд сообщает определенную тональность всему ряду. Синтаксическая позиция (однородные члены предложения) и позиция ремы выделяют итальянизмы из общего потока повествования и захватывают внимание читателя, знакомящегося при чтении сначала с кириллической графической формой заимствований, а затем с их исконным написанием.

Как правило, описание в травелоге содержит немало количество экзотизмов, придающих фрагменту текста особый колорит. Создаваемая иноязычными элементами экзотизация в **описании-рассуждении** разрушается фривольным комментарием автора, содержащим иронию по поводу увиденного: *Перейдя Корсо Венето и издали полюбовавшись **палаццо** Кастильоне, надо углубиться в плетение ближайших улиц, где начнется такое – просто фантастика: волнами вывороченные **балконы** и колонны, гримасничающие **маскароны**, сияющие разноцветные **мозаики**, горы надутых цветов и фруктов, бабы, видные собой, с волосами как на рекламе шампуня и грудями как на рекламе бюстгальтеров, а также дети и подростки, спереди и сзади, сплошь голые, в разнообразнейших позах, – радость педофила – не каждый гимнаст так изогнуться сможет* [Там же, с. 137]. Включенные в перечислительный ряд, являющиеся однородными сказуемыми, заимствования представляют тему в предложении и оказываются в центре внимания читателя, который благодаря занимаемой иноязычными элементами синтаксической позиции легко и плавно переходит от одного образа к другому.

Таким образом, исследователь приходит к **выводу**, что текст современного писателя А. В. Ипполитова, относимый исследователем к травелогу, представлен такими ФСТР, как повествование, описание, рассуждение, а также контаминацией, трансформирующей исходные типы, – повествованием-рассуждением и описанием-рассуждением. Возможность подобной контаминации – одна из характерных черт рассматриваемого жанра. В дискурсивной формации травелога внимание читателя фокусируется на тех понятиях и реалиях чужого мира, которые становятся предметом для авторской рефлексии, выражаемой в объяснении, аргументации, сопоставлении культур. Форма я-повествования, выбранная писателем, позволяет адресату вместе с рассказчиком проживать и переживать описываемый опыт знакомства с иным миром и включения в этот мир, размышлять об увиденном и услышанном, оценивать и соотносить чужое и свое. Язык описываемой страны играет важную роль в формировании образа Италии, остающегося в сознании русского путешественника и живущего в его памяти долгие годы. В ходе анализа используемых в двух книгах автора итальянизмов и их дистрибуции по ФСТР были представлены такие сферы употребления иноязычной лексики, как человек, искусство, кулинария, воспринимаемая как искусство, и т.д. Все они формируют новый образ Италии, актуальный для русского читателя, путешествующего по этой стране или желающего это путешествие совершить. Безусловно, главным в формировании этого образа становится сам человек – объект рефлексии рассказчика, сам повествователь, переживающий новый опыт и размышляющий о нем, а также адресат, приглашенный к этому переживанию благодаря форме я-повествования, избранной автором для своего травелога.

Список источников

1. Биржакова Е. Э., Войнова Л. А., Кутнина Л. Л. Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII века. Языковые контакты и заимствования. Л.: Наука, 1972. 431 с.
2. Брандес М. П. Стилистика текста. Теоретический курс: учебник. М.: Прогресс-Традиция; ИНФРА-М, 2004. 416 с.
3. Булавина М. А. К вопросу о разграничении функционально-смысловых типов речи // Вестник Российского университета дружбы народов. 2008. № 1. С. 60-66.

4. **Ефремова Т. Ф.** Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://www.efremova.info/> (дата обращения: 11.02.2020).
5. **Ипполитов А. В.** Особенно Ломбардия. Образы Италии XXI. М.: КоЛибри; Азбука-Аттикус, 2014. 368 с.
6. **Ипполитов А. В.** Только Венеция. Образы Италии XXI. М.: КоЛибри; Азбука-Аттикус, 2014. 400 с.
7. **Крысин Л. П.** Русское слово, свое и чужое. М.: Языки славянской культуры, 2004. 888 с.
8. **Купина Н. А., Матвеева Т. В.** Стилистика современного русского языка: учебник для бакалавров. М.: Юрайт, 2013. 415 с.
9. **Никитина Н. А., Тулякова Н. А.** Жанр травелога: когнитивная модель // Homo Loquens: актуальные вопросы лингвистики и методики преподавания иностранных языков. СПб.: Астерион, 2013. Вып. 5. С. 132-138.
10. **Плунгян В. А.** Предисловие: дискурс и грамматика // Исследования по теории грамматики / отв. ред. В. А. Плунгян. М.: Гнозис, 2008. Вып. 4. Грамматические категории в дискурсе. С. 7-36.
11. **Функционально-смысловые типы речи: типология, исходные модели и принципы развертывания** / под общ. ред. К. А. Роговой. СПб.: Златоуст, 2017. 320 с.
12. **Хамаганова В. М.** Семиотическая основа текста типа «описание» // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2013. № 3. С. 17-22.

Borrowings in Travelogue's Text as Means of Creating the Italian World's Image

Vasilenkova Larisa Borisovna
Saint Petersburg University
laravasilenkova@mail.ru

The study aims to identify the thematic areas in which the Italian borrowings are used conjuring up the image of Italy, as well as to describe the functioning features of narration, description and argumentation in the travelogue. The subject matter of the article's analysis comes down to such a linguistic feature of the travelogue as the system of borrowed words and word combinations adding colour to the speech (foreign-language inclusions, barbarisms, exotic words, i.e., borrowings) arranged into functional-semantic types of speech. The research is novel in that it treats the travelogue as a special type of the text in terms of its linguistic organisation, as well as it studies the distribution and functioning of Italicisms in this genre. As a result of analysing the Italicisms used in two books by the modern author A. V. Ippolotov, as well as their distribution, such thematic areas in which the foreign words are used as art, culinary art, city and other, evoking a new image of Italy among the Russian readers, are identified. The man (the narrator, the object of his reflection, as well as the narratee engaged in the story by means of the first-person narrative) becomes an essential part of this image creation.

Kew words and phrases: travelogue; cross-cultural and cross-lingual communications; borrowed words; Italicism; foreign-language inclusion technique; functional-semantic types of speech.

УДК 81-114.2

Дата поступления рукописи: 13.04.2020

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.6.22>

В статье рассматривается проблема лексической вариантности фразеологических единиц. Цель исследования – выявить и проанализировать лексические варианты фразеологизмов, выражающих общее значение оценки в русском языке. Научная новизна заключается в изучении явления вариантности на материале предикативно-оценочных фразеологизмов, которые выражают в языке категорию оценки и представляют собой предложно-падежные сочетания с одним знаменательным компонентом. Полученные результаты показали, что в лексико-грамматическом разряде предикативно-оценочных фразеологических единиц обнаруживаются случаи лексической вариантности, которые характеризуются тождественностью.

Ключевые слова и фразы: русский язык; фразеология; лексическая вариантность; семантика; лексико-грамматический разряд; предикативно-оценочные фразеологические единицы.

Верзилова Арина Александровна
Ивановский государственный университет
arinaver_1991@mail.ru

Лексическая вариантность фразеологических единиц с общим значением оценки

Вариативность – распространённое явление в языке, присущее значительной части языковых единиц и являющееся проявлением закономерностей, свойственных всем уровням языковой системы. Ф. П. Филин отмечает, что «вариативность – одно из важнейших условий развития языка, поскольку через изменение соотношений между вариантами... происходят многие сдвиги на всех языковых уровнях» [20, с. 11]. Многие исследователи, занимающиеся разработкой вопроса о вариативности, отмечают сложность и многогранность данного явления, особенно если речь идет о вариативности фразеологической единицы. Вариативность как одно